

ПЕТЕРБУРГСКОЕ

Сергей Юрский

УЗНАВАНИЕ

к 3 - 50

Сергей Юрский

3^а

УЗНАВАНИЕ

Юрский

1993

84 Р 7
Ю-81

**Акционерное общество "Дилброк"
Приложение к альманаху "Петрополь"
Серия: "Петербургское соло". Вып. 4
Юрский Сергей. Узнавание, стихи, проза.**

Художник Юрий Брусовани

**Первые 50 экземпляров издания - пронумерованы,
коллекционные, с автографом автора.**

Редакционно-издательский совет серии:

**Валерий Земских, Борис Михайлов-Киселевский, Владимир
Марков, Наталия Назаренко, Борис Энгельгардт, Николай
Якимчук (главный редактор).**

Издатели благодарят за содействие ТОО "АртФлот"

**Издатели благодарят художников, передавших свои произведе-
ния в Фонд альманаха "Петрополь": Бориса Энгельгардта,
Юрия Брусовани, Нугзара Кахиани, Александра Яна, Александра
Ханова, Анатолия Клеймица, Сергея Алипова**

© 1993, С. Ю. Юрский

УЗНАВАНИЕ

В конце концов это стало утомлять. Ничто из появляющегося перед глазами не было новым. Все было на что-нибудь похоже. Молодость прошла, прошло удивление - это естественно. Хуже то, что при виде чего угодно нового кто-то внутри меня скучно-регистрационным голосом говорит: "Похож (а, е) на..." С этой минуты, с этого мига включаются десятки киноаппаратиков, и на малюсеньких экранчиках там, в голове, изнутри начинается фестиваль коротеньких малоинтересных фильмов.

- ЧТО С ВАМИ?

- НИЧЕГО. А ЧТО?

- У ВАС ТАКОЙ ВИД... ВАС ЧТО-ТО РАССТРОИЛО?

- НЕТ, НЕТ... НЕТ.

Да! Да! - понимаю я, - я отсутствую, и это заметно. Я провожу свой внутренний кинофестивалик.

...Меня знакомят с этим (этой) самым (самой), который (ая) спросил (спросила): "ЧТО С ВАМИ?", а потом сказал (сказала): "У ВАС ТАКОЙ ВИД.." И вот ему (ей) и посвящен фестиваль... Этот нос, слегка раздвигающийся при улыбке вместе со ртом... щербина в передних зубах... Это было... Коридор университета, я бегу за ним (за ней), мне очень нужно, чтобы он (она) обернулся (обернулась)... и щербина между зубами... нет, не то... фильм на полку!..

Шоссе, направо лес, она медленно сворачивает... засунув руки в карманы плаща и наклонив низко голову... она... стоп! Конец пленки, короткий метраж... Приятно? Неприятное? Еще не знаю... Нос раздвигается и морщит лицо до самых глаз... Это было... а! недавно в цирке... нет! недавно тоже было не новое, новое могло быть только давно. Давно, давно!.. Волейбольная площадка... вот победитель, а мы проиграли... все в поту... у него масляные глазки - и на нее... а у нее матовые - и слегка на него, а я ни при чем, и в поту, и влюблен в нее, без признаний... без ума... это она...

щербинка... конец фильма! Неудачный фестиваль этой минуты. Около семидесяти фильмов, и все серые. Обрывки какие-то. Победила слабенькая лента пятидесятих годов (конца пятидесятих) об одном разговоре в поезде с весьма нудным и назойливым человеком. Вот он-то и был похож на того, что говорит мне сейчас:

- ...НУ ПРАВИТСЯ ВАМ У НАС В ГОРОДЕ?

Фестивали идут непрерывно. Фонды переполнены, лопаются. Больше некуда. Не надо нового!

...Сейчас она поднимается на цыпочки, и взгляд ее станет беспомощным. Ее руки лягут так, как в малюсеньком фильмике начала шестидесятых. Это очень трогательно. Но кино устаревет. Нельзя бесконечно повторять одно и то же... Я знаю этот вокзал. Поезд только еще замедлил ход. Стрелки дергают вправо, влево. Ухают грязные мертвые пустые пульманы, стоящие тут уже целую вечность. Откликаются на суетливый перестук живого состава. И вокзала-то еще не видно, но я знаю этот вокзал. И запах хорошо прогретого скверного железа отопления в смеси с куревом и мочой. Забытый человек, во весь дух навзничь спящий на скамейке. Навсегда отставший от всех поездов... Кинофестиваль фильмов о вокзалах. Здесь небывало широко представлены...

- ГДЕ ТЫ СЕЙЧАС? О ЧЕМ ДУМАЕШЬ? - спрашивает она.

Я не думаю. Я смотрю. На десятках экранчиков отсматриваю десятки вокзальчиков, десятки и десятки твоих поворотов головы, десятки вопросов:

- ГДЕ ТЫ СЕЙЧАС? О ЧЕМ ТЫ ДУМАЕШЬ?

...отсматриваю, чтобы найти точную копию... вернее, оригинал, матрицу, камень, с которого оттиснуто все остальное. В том числе и ты. В том числе и ты, моя дорогая - с этой прядкой, с этой родинкой... Золотой приз присужден ветерану - обрывку производства шестьдесят четвертого года. Овации, цветы, улыбки. Облегчение. Я смотрю на тебя нежно. Я уже здесь, с тобой. Я знаю, на что ты похожа, и я уже не впускаю тебя как новое. Ты тень, ты копия, ты не касаешься меня больше. Давай обнимемся смелее - мы не касаемся друг друга. Нет места для нового.

...Ах, как больно быть отвергнутым. Музыка гремит не в твою честь. Ты в массовке чужого праздника. Мы улыбаясь идем в толпе, сопровождающей победителей... на нынешнем фестивале будет дана ретроспектива... похоже, но не очень - это еще наш успех, а в массовке другие... а, да мы же просто поменялись местами... еще, еще. Конкурс продолжается... это лучше, то есть...

хуже, но ближе. Вот мы и сзади. Дайте фокус! Да это слезы застлали кадр. Как не стыдно! Протрите объектив! Вот! Четко. Точь-в-точь. Прекрасно. Это было и нового не надо.

- ВОТ НОВАЯ КНИГА.

- А ОНА, КАК ЧТО?

- ВОТ ХУДОЖНИК... ТАКАЯ ЯРКОСТЬ... (Ван Гог? Матисс?)... ОН АРМЯНИН (Сарьян?)... У НЕГО ФАНТАЗИЯ УЖАСОВ (Босх?) ЕГО ФАМИЛИЯ...

...не надо, не запомню. Некуда.

Узнаю себя, идущего ночными незнакомыми городами, взбегающими по знакомым лестницам. Я уже стоял в этой очереди. Я съел уже этот суп. Он вкусный. Но я его уже съел. Я уже почистил эти зубы. Я сделал уже это упражнение. Уже была эта зима. Уже текла эта вода. Не надо нового. Только совсем, совсем знакомое, родное, неотделимое дает ощущение подлинности. Остальное репродукция.

Обычный домашний развал. Полуразобранный чемодан. Застоявшиеся в ожидании прохладные дырявые шлепанцы. Презрительный кот. Нежные легкие мотки пыли, волшеббно скользящие по пятнистому полу. Знакомые щели в окнах, Навал нечитанных, нечитанных книг. Несвежее стекло окна. Вот она бежит, смешно и обаятельно закидывая ноги. И вдруг... вдруг... Какое невероятное УДИВЛЕНИЕ в ее глазах. Какой визг радости. Какой жест, вскид, вскрик. Что она увидела? Что потрясло? Что это такое новое в жизни? Да это я стою в окне, ее папа. Выключены проекторы, темны экраны мучительного кинофестиваля. Я приехал. Я смотрю сквозь несвежее стекло. Вижу: девочка смеется и бежит, крича. Слышен ее топот по лестнице. Сейчас она войдет.

Девочка моя, не дай тебе бог!

*13 июля 1984 г.,
Новокузнецк*

блат, блат, связи, связи... интеллигенция... спекуляция... этажи власти, сферы влияния... обрывки разговоров, из которых выжуются нити, которые тянутся к местам, в которых добываются блага, которые распределяются по нужным людям, которые могут стать друзьями, которые помогут, если...

разговоры

(бакинский праздничный вечер)

- Поздравь его - его переизбрали, а ведь могли на этот раз... Вагиф рассказывал - мы вместе "Волги" брали.
- Как проживешь, других не обдуришь?!...
- Клянусь, я рад от сердца! - Нет, вообще-то Расим - скажи - порядочней других?!
- Ведь это он помог тогда Фуату, точно это.
- Фф-у, жарко в комнате! - Наверно ветер стих.
- Да, кстати, видели на башне в воскресенье - плюс двадцать семь, а было тридцать пять!
- А, врут они всегда... - Ты был у Сени? Он же просил тот гарнитур забрать.
- Я твою маму... обещал, так сделай!
- Семь раз отмерь... - Зарезал без ножа... Диллара мне сказала... Знаешь Деллу?
- А, что шуметь! У Сени что, пожар?
- Брось шутки! Не пожар, а наводнение. Его утопишь, сам пойдешь ко дну!
- Ну, ладно, хватит! В среду день рожденья Лила - Ханум. Хоть для нее одну подписку сделай: может, Достоевский, или там мифы - шмифы в двух томах...
- Г... на покушай! В Ленинград на Невский езжай в Дом Книги, стой в очередях...
- (тут общий смех. Несут блюда. Куда бы поставить их - нет места на столе)
- За Тофика! (несут горой кутабы)
- Чок сагол! (блещет водка в хрустале)

- Мне надо сына поступить во МГИМО...
- Что ждешь? Звони в Москву Барабаку...
- Обижен он, сказал, моей ноги, мол не будет в вашем заспанном Баку...
- Она болела жутко... - Из Тбилиси приехал брат отца, он цеховик...
- Отдай ты бабки этой дерганой Ларисе...
- Фикрет в порядке - не было улик...
  - Заира с мужем съездила в Лаос...
  - Мы с братом в Закаталах строим дачу...
  - Билет в Ростов? Зайди, решим вопрос.
  - Борис Максимыч ставит нам задачу улучшить все, что можно к ноябрю!
- Практически тут нет альтернативы.
- Будем считать, что это директивы...
- Я слово в слово это говорю!
- Я из Москвы приехал с семинара, там есть цеховский санаторий Истра... поговорил с людьми, там... тары - бары:
- АРИФ ДЖАНГИРОВ БУДЕТ ЗАММИНИСТРА.**
  - (тут пауза. луна глядит в окно, чуть серебра в углу российскую икону. хозяин побледнел, как полотно, встал, пошатнулся и пошел к балкону.)
- Ариф был в Африке - там что-то от ЮНЕСКО?..
- Оттуда он ушел давно и быстро.
- (рука хозяина хватается занавеску)
- **АРИФ ДЖАНГИРОВ БУДЕТ ЗАММИНИСТРА.**
  - Теперь с Гянджи попрутся караваном, вина потащат полные канистры!
  - (хозяин отпивает полстакана)
  - **АРИФ ДЖАНГИРОВ БУДЕТ ЗАММИНИСТРА.**
- Ну, как крутиться в этой жизни б...ской?
- Ты про Арифа точно знаешь, сто процентов?
- Так точно, как что в долларе сто центов, как мне не знать - я сам кировобадский!
- (хозяин почернел и слился с темью. приносят фрукты; смачно вскрыт арбуз.)
- Я думал, он давно в другой системе.
- Теперь и дочка не поступит в ВУЗ.

- Ну, по последней!

- Пьем, и по машинам!

(объятия, прощания в прихожей)

(на лестнице): - Ну, наш хозяин тоже...

ко всем подходит со своим аршином...

Ревут моторы - с места и на сто

по узким коридорам переулков,

а в комнате обедков полон стол,

часы стучат размеренно и гулко,

жена таскает грязи вороха.

Горит окно доносчика - соседа.

Для хаша в миске киснут потроха.

Окончена вечерняя беседа.

Володе Шурупову, актеру и поэту, на память о нашем тысячекилометровом путешествии...

Дорога,
что катилась подо мною еще вчера,
по-прежнему пуста.
Единый лес
разрезан ею на две темных части.
По-прежнему смеркается. На листьях
набухли крупно шарики росы.
На двести тридцать первом километре,
в том месте, где Володька отливал
в Великих Луках выпитое пиво,
по-прежнему валяется бутылка
без доньшка, и сквозь нее бегут
две нити муравьев, туда - обратно,
серый холст асфальта
прошит стежками черных муравьев.
День остывает. Августовский лес
покашливает и дымит туманом,
кряхтит, отхаркивая смачно на дорогу
комки лягушек. Теплая поверхность
вся движется - лягушки, муравьи...
вот еж перебегает
равнину двухполосного шоссе
из леса в лес. Живые существа
пытаются зашить мучительный разрез
единого массива - собою, множеством своим
заштопать пустоту...
порез... пробор... прогалину... проселок...
восстановить единство. Паутина
качается на ветках - дотянуться!
Связаться! Зацепиться! Затянуть!
Сдавить пораненное место, сжать дорогу!
Обузить - до тропы! Потом до тропки.
А после, когда тело зарастет,
швы можно снять - на обновленной коже
пойдет трава... грибы... кусты... деревья...
единство воцарится! Лишь тогда

вернется полнота дыханья, звука,
обертоне начальной тишины
высокой, вечной, тысячеголосой...

Дорога,
что катилась подо мною еще вчера,
по-прежнему пуста.
И мы с Володькой
по-прежнему стоим в недоумении на той дороге
в ширь - между двух лесов, в длину -
меж двух ее концов,
на пуповине страшного креста -
две перекладины: одна, гигантская -
создание природы,
другая,
тонкая нить, пер-
пендикулярно
пробита человеком. Вот и крест!
Цивилизация.
Хотим распять природу,
стараясь перечеркнуть
все, что до нас существовало.
Тщета? Величие?
На двести тридцать первом
унылом километре мы стоим
по-прежнему. И все еще вчерашний
спокойный вечер тянется к ночи.

82 г.-88 г.

отец родился и окончил гимназию в городе Стародубе Черниговской губернии... он был из духовного сословия, и настоящая его фамилия была Жихарев... он старался забыть и то, и другое, скрывал это даже от меня... время было такое... фамилией своей он сделал театральный псевдоним - Юрский... Юрий Сергеевич Юрский рано ушел из жизни... почти ничего я не знаю о деде, о бабушке... с моими двоюродными братьями - Юрой и Гарри Кулышевыми - мы пытались искать прошлое семьи, наши корни, но не нашли... мы люди без корней...

утро

Я проснулся на скамейке.
Я сидел в бесшумном парке
и никак не мог припомнить,
где заснул я и когда,
было утро воскресенья,
и еще не встало солнце,
и в прудах стояла смиренно
неглубокая вода.

Позабытая тревога
осторожно повернулась
где-то слева, возле сердца.
Я сидел не шевелясь,
я напряг глаза и память,
и от мозга оттолкнувшись,
поплыла перед глазами
неразборчивая вязь.

Видел я, как плыло Время,
относительно спокойно,
и в его пустую реку
осыпалась листва.
В перепутанных деревьях
я искал свою тревогу,
я заглядывал со страхом
в потаенные места.

Знаете, как ищут зайца
на загадочной картинке:
между веток где-то уши,
а в корнях быть может глаз...
А деревья все скрипели,
ветер дул, спадали листья,
было тихо и печально,
день родился и погас.

И тогда перевернул я
ту журнальную картинку,
тот загадочный рисунок,
тот тревожащий покой -
вверх теперь летели листья,
надо мною плыло Время,
я пустые кроны кленов
мог легко достать рукой.

В перевернутой природе
все же нет ушей тревоги,
все же нет причины зайца,
и покоя не найти.
Только сломанные ветки,
только мертвенное время
осторожно намечали
след неясного пути.

Видно, вспять поплыло Время:
сквозь могилу и сквозь слезы
в перепутанных деревьях
я увидел вдруг отца...
Было утро воскресенья.
В перевернутой природе
я искал заветный узел -
связь начала и конца.

1966 г.

снимали фильм “Время - вперед!” снимали долго... два года удивительный это край - Крым... чтобы почувствовать его, надо оказаться не отдыхающим здесь, а работающим... надо увидеть степной Крым, Восточный Крым... надо оказаться здесь не в сезон... это все было тогда, в 64-65 годах... а в 82-ом здесь же снимали “Падение Кондора”... и снова вспомнилось многое из давнего... вспомнилось и это стихотворение

керчь

И начинаешь привыкать
к солоноватому привкусу
местной воды.
И к солнцу,
выпаривающему из тела соленый пот.
И к обилию рыбы,
просоленной морем и поварями.

Просторный край. Здесь ходят
неторопливо,
здесь есть место для жизни,
и сотни тысяч
нашли место, чтобы
умереть.

Сперва наших,
плывших в Тамань,
тонувших,
подсаливающих море соленой кровью,
слезами обиды.

Потом немцев,
бежавших сушей
по чужим степям,
по земле, где местами выступает соль,
в которую больно падать лицом.

Над горой Митридат
Вечный огонь.

Для памяти и для
красоты.

Это очень красиво - огонь над морем.
Под горой карусели
и танцплощадки
в цветных лампочках.

На этот берег
вышли римляне - ровесники
Иисуса Христа,
и греки,
и придумывали названия городам и горам.
Потом татары,
а потом, потом
запорожцы и русские,
беглые, ссыльные
и нищие северяне разных наций.

И все это смешалось,
солono замесилось под солнцем,
размножилось и...
полюбило
горячую степь у прохладного моря,
и стало гордиться
своей родиной.

И я, чужак, живущий в гостинице,
замечаю эту любовь
в пренебрежительном плеваньи семечками,
в портовом мате,
в жалобах на скуку
и...
в глазах приветливых,
в говоре южном.
Я привыкаю просыпаться здесь и засыпать,
мне начинает нравиться солоноватый привкус
местной воды.

в семидесятые годы тоже была жизнь со своими радостями, неожиданностями... но все чаще наваливалась тоска... иногда думалось, что это личное, но подобные настроения я замечал и у других... этих других становилось все больше... жизнь была, может быть, трудная, но терпимая, а вот перспективы не было, смысл ускользал...

я умираю
даже если будет
еще слепое счастье
даже если
за горло схватит новая любовь
и суета тщеславия как прежде
заставит чувствовать биенье жизни
и тело переполнится желаньем
даже если
придет холодное предчувствие победы
вернется безошибочность таланта
и время станет емким
и пространство покажется подвластным
и усталость не будет больше славить неподвижность
даже если
я буду петь с собой наедине
и новые знакомства отвораченья не будут вызывать
а по ночам
мне будут сниться будоражащие сны
и даже если
я снова захочу соревноваться в уме и обаяньи, и острогах
и даже если я выйду победителем
и после
широкою улыбкой награжу
всех проигравших, всех кто малость хуже
и даже если
я долго проживу под этим небом
меж этих стен
то все равно
с недавних пор я вижу
в любом явлении четкие приметы
грядущего исчезновенья

вижу
все разлагается
во мне
вокруг меня
далеко
близко
мой проклятый нос - я чую разложение
все гниет
и даже если
я снова буду жить
я знаю твердо неизменно и почти
спокойно
я умираю

без названия

Все начнется потом,
                                когда кончится это
бесконечное душное, жаркое лето.
Мы надеймся, ждем, мы мечтаем о том,
Чтоб скорее пришло
                                то, что будет потом.

Нет, пока настоящее не начиналось.
Может, в детстве...
                                и в юности... самую малость...
Может, были минуты... часы... ну, недели...
Настоящее будет потом!
                                А на деле

На сегодня, на завтра и на год вперед
Столько необходимо - ненужных забот,
Столько мелкой работы, которая тоже
Никому не нужна.
                                Нам она не дороже,

Чем сиденье за чуждым и скучным столом,
Чем свечение чужих городов под крылом.
Не по мерке пространство и время края,
Самолет нас уносит в чужие края.

А когда мы вернемся домой, неужели
Не заметим, что близкие все почужели?
Я и сам почужел.
                                Мне ведь даже неважно,
Что шагаю в костюме неважно отглаженном,

Что ботинки не чищены, смято лицо,
Что на встречах, на женщин, смотрю с холодцом...
Это не земляки, а прохожие люди,
Это все к НАСТОЯЩЕМУ только прелюдия...

Настоящее будет потом... Вот пройдет
Этот суетный мелочный маятный год
И мы выйдем на волю из мучившей клетки.
Вот окончится только тысячелетье...

Ну, потерпим, потрудимся,
  близко уже...
В нашей несуществующей сонной душе
Все застывшее всхлищнет и с криком проснется...
Вот окончится жизнь...
  и тогда уж начнется.

Подписано в печать: 28.01.93г

Объем: 1,0 п.л.
Тираж: 2000 экз.
Заказ: №93

Цена договорная

Типография им.П.Ф.Леснафта
СПб, 190121, ул.Декабристов, 35

Издательство журнала "Юность" (СПб филиал)
189620, СПб, Пушкин-1, а/я 135.
Издано на средства автора при участии А/О "Дилброк".